

55601

PI
791

А. С. ПУШКИНЪ.

СКАЗКА О РЫБАКЪ И РЫБКЪ.

съ послѣсловіемъ.

На русскомъ и на пермяцкомъ языкахъ.

5364

Изданіе священника Іакова Шестанова.

Второе исправленное.

Цѣна 5 коп.

Переводъ учениковъ Казанской инородческой учительской
Семинарии, уроженцевъ Соликамскаго уѣзда Пермской губерши.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1906.

2-е издание

А. С. ПУШКИНЪ.

СКАЗКА
О РЫБАКЪ И РЫБКЪ.

СЪ ПОСЛѢСЛОВІЕМЪ.

На русскомъ и на пермяцкомъ языкахъ.

Изданіе священника Іанова Шестакова.

Второе исправленное.

Цѣна 5 коп.

Переводъ учениковъ Казанской инородческой учительской
Семинаріи, уроженцевъ Соликамскаго уѣзда Пермской губерніи.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1906.

Отъ переводческой Коммисіи Православнаго Миссіонерскаго Общества
печатать разрѣшается.

Предсѣдатель Переводческой Коммисіи, профессоръ Казанской Акаде-
міи **М. Машановъ**.

СКАЗКА

О рыбахъ и рыбкѣ.

(Коми кыввын).

Овие старикъ асвас ста- Жиль старикъ со своею
рукакѣт самѣй морѣберегдо- старухой у самаго синяго
рын. Нія овисѣ умѣлик му- моря; Они жили въ ветхой
овѣй избушкаокын (керку- землянкѣ ровно тридцать
окын) топ куим дас куим лѣтъ ѣ три года. Старикъ
год. Старикъ кыис неводѣн ловилъ неводомъ рыбу,
чери, а старука печкис асѣ- старуха прядла свою прѣ-
сис куделѣ. Этпыр старикъ жу. Разъ онъ въ море за-
чапкис морѣѣ невод. Воктис кинулъ неводъ, пришѣлъ
пешвыны — неводын ѣти неводѣ съ одной тиною;
нять. Мѣдпырися старикъ онъ въ другой разъ заки-
чапкис невод. Воктис пеш- нулъ неводъ, пришѣлъ не-
выны — неводын ѣти мор- водъ съ травой морскѣю;
ской турун. Чапкис сѣя не- въ третій разъ закинулъ
водк уимѣтпырися. Воктис онъ неводъ, пришѣлъ не-
пешвыны — неводѣ шедис водъ съ золотою рыбкой,
зовотѣй чери. Чери пон- съ не простѣю рыбкой, зо-
дис кеймыны стариквѣ лотою. Какъ взмѣлится зо-
морт шыэн: „Веѣ те менѣ, лотая рыбка, голосомъ мѣл-
старичок, бѣр морѣѣ: бура- вить человѣчьимъ: „От-
ме теныт мынтися еты- пусти ты, старче, меня въ
понда, сета теныт вештѣм море, дорогѣй за себя дамъ
кышѣмѣ коран“, Дивуччисѣ откупъ: откуплюсь, чѣмъ

старик, повзис; чериявнися куим дас куим год и озна кыввы, медбы чери байтис морт шыон. Веэисия зовотой чери морёо и влэсэтавис сывё: „Ен тэ-кёт зовотой чери! некыйём вештём меим тесянэ озков; мун бөр морёо, гуляйт сетчин мымда тэ-наныт ковё. Бертис старик асвас старукадынё и влэсэ-тавис сывё ыжыт чудо. „Кути мэ“ шувё старик; „таун чери, чери не простой, а зовотой; миян-моз байтис чери, корис-менё веэны сие бөр морёо. ыжыт вештём кёсьис, сэт-вис мый бы ме сывись эг-кор. Эг высь ме сысянэ-нем босьны—сиэ и веэи-бэр.“

Старука пондис стари-кэс видны: бэбэв те, бэ-бэв, ен те вермы вештэм-черисянь босьны! Босьтин-бы тэ коть ёр сысянь. миян эрным совсем ни по-тэм.

Вот мунис старик морё-дынё, аззё море небура-орешывё. Пондис сия кит-савны зовотой чери. Вок-тис (уис) сыдынё чери и ювавё: „Мый ковё тэныт,

только пожелаешь“. Уди-вился старикъ, испугался: онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года, и не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила. Отпустилъ онъ рыбку золотую и сказалъ ей ласковое слово: „Богъ съ тобою, золотая рыба! Твоего мнѣ откупа не на-до; ступай себѣ въ синее море, гуляй тамъ себѣ на просторѣ“. Воротился ста-рикъ ко старухѣ, расска-залъ ей великое чудо: „Я сегодня поймалъ было рыб-ку, золотую рыбку, не про-стую; по-нашему говорила рыба, домой въ море си-нее просилась, дорогою цѣною откупалась, откупа-лась, чѣмъ только поже-лаю.“

Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ; такъ пустилъ её въ синее море“. Стари-ка старуха забранила: „ду-рачина ты, простофиля! не умѣлъ ты взять выку-па съ рыбки! хотъ бы взялъ ты съ нея корыто: Наше-то совѣмъ расколѣлось“.

Вотъ пошѣлъ онъ къ синему морю; видитъ: мо-ре слегка разыгралось. Сталъ онъ кликать золо-тую рыбку: приплыла къ нему рыба, спросила.

старичок?“ Сыво кеймисэ-
мөн старик байто: „Эддэн
видо мено старука, шодчи-
сьны оз сет меим стариквө.
аззан тэ сыво вилэ ор ково;
мянисьным потөм.“ „Ен
төжды,“ шувө сыво зово-
той черк. „мун Ен төкөт
гортө воас ор“ тиян.

Бертис старик стару-
кадыно; вижетө старука-
вөн ор виль—ни. Эд-
денжык ешо пондис ста-
рука видчины. „Бэбэв те.
бэбэв! Коромыт бэбэв ор,
уная ни орнсь товк!
Бертчи. бэбэв тэ чери-
дыно. кеймись сыво, кер-
керку. Аззан мян кер-
куокным избушканым сов-
сем ни кнссэ кнссем“.

Мунис старик морёдыно.
Вижетө морё гудыртчем.
Пондис сия китсавны зо-
вотой чери; чери вөктис
и юавнис: Мый тэныт
ковө старичок?“ Старик и
шувө сывө: „Эдденжык ошо
видче старука, шотчисьны
спокой оз сет меим, ста-
риквө, шөктө керку корны
тенчит, вөг инька, сет ни
тэ, матушка, жалеит менө,
старикөс,“ Зовотой чери-
шувө: „Ен төжды, стари-

„Чего тебё надобно, стар-
че“? Ей съ поклөномъ ста-
рикъ отвѣчаетъ: „смилуй-
ся, государыня рыба! Раз-
бранила меня моя стару-
ха, не даётъ старику мнѣ
покою: Надобно ей новое
корыто: наше-то совсѣмъ
расколѳлось“. Отвѣчаетъ
золотая рыба: „не печаль-
ся, ступай себѣ съ Богомъ!
будетъ вамъ новое корыто“.

Воротился старикъ ко
старухѣ,—у старухи новое
корыто. Ещё нуще стару-
ха бранится: „Дурачина
ты, простофиля! выпро-
силъ, дурачина, корыто!
въ корытѣ много ли ко-
рысти? воротнись, дурачи-
на, ты къ рыбкѣ; покло-
нись ей, выпроси ужь из-
бу“.

Вотъ пошёлъ онъ къ
синему морю: помутилося
синее море. Сталь онъ кли-
кать золотую рыбку; при-
плыла къ нему рыба,
спросила: „чего тебѣ на-
добно, старче“? Ей старикъ
съ поклөномъ отвѣчаетъ
„смилуйся, государыня
рыбка! ещё нуще старуха
бранится, Не даётъ ста-
рику мнѣ покою: Избу про-
ситъ сварливая баба“. От-
вѣчаетъ золотая рыба: „Не

чок, мун Ен текѳт гортѳ. сѳѳ и вов, сѳта ни мѳтѳиянвѳ керку.“

Мунис сѳя гортѳ, му избушкадынѳ, а сѳя ванжын абу-ни, сѳя местын керку сувавѳ, ыжыт, бышѳм, сруба кирпишной. белитѳм, воротаез дубовѳсь. Старука пукавѳ ѳшындынын; мый токов вермѳ видѳ старикѳс: „Бѳбѳв те, бѳбѳв прямой тѳ. бѳбѳв корѳмыт, бѳбѳв, керку, мый ме сѳе ег аззив. а вот ог мѳд ме овны кресѳянкаѳн, мѳда пѳртчины двѳрѳянкаѳ; мун кеймисѳ часѳт жѳ черивѳ!“

Нем керны, мунис старик моредынѳ и пондис китсавны зовой чери. Воктис чери сыдынѳ: „Мый тѳныт ковѳ старичок?“ Сывѳ кеймисемѳн бантѳ старичок: „ѳдденжык ѳшѳ видче старука, совсем ни сѳя бѳбмѳм, вот спокой оз сетмеим стариквѳ; оз ни мѳд сѳя овны кресѳянкаѳн, ба-рыняѳ. мѳдѳ пѳртчины важдура“ Шувѳ сывѳ зовой чери: „Ен тѳжды, мун Ен текѳт гортѳ!“

печался, ступай себѳ съ Богомъ Табъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ“.

Пошѳлъ онъ ко своей землянкѳ, — а землянки нѳтъ ужъ и слѳда: передъ нимъ изба со свѳтѳлкой, съ дубѳвыми, тесѳвыми вороты*). Старуха сидитъ подъ окошкомъ, на чѳмъ свѳтъ стоитъ мужа ругаетъ: „Дурачина ты, прямой простофиля! Выпросиль, простофиля, избу! воротись, поклонись рыбка: не хочу быть чѳрною крестьянкой, хочу быть столбовѳю двѳрянкой!“

Пошѳлъ старикъ къ синему морю: не спокойно синее море. Сталь онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: „Чѳго тебѳ надобно, старче?“ Ей съ поклономъ старикъ отвѳчаетъ: „Смилуйся, государыня рыбка! пуще прежняго старуха вздурилась, не даѳтъ старику мнѳ покою: Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой, хочетъ быть столбовѳю двѳрянкой“. Отвѳчаетъ золотая рыбка: „не печался, ступай себѳ съ Богомъ“!

*) т. е. воротами (старо-славянская форма творит. падежа).

Бертис старикъ старука-дышѣ,—мый жэ сѣя аѣѣ? Аѣѣ выын керку; посѣзвын сувавэ сывэн инь донакрковтаын, соболь звирись. голявын пристежжес бшавэны киезвас зовотой чупэкычез, кокезвас гѣрд чаркиез, сыгѣгѣр вакейэз бергавѣны,—старука вартвѣнѣ, юрсиезѣт кыскавѣ. Пондис сывѣ старик баитны: Здорово, барыня-сударыня, дворэянка, эни бурамис ни поди тэнат сээвѣмыт? Чирѣктис токон сывѣ старука, картаввѣ ужавны ыстис.

Вот неделя чувавѣ, мѣдик. Эшѣ ѣдденжык бѣбѣмѣ старука. Бѣра черидышѣ старикѣс ытѣ. Бертчи кеймисэ черивѣ: ог мѣмѣд овны дворэянкаѣн, а мѣмѣда овны саричаѣн. Повзис старик, кеймисэ старукавѣ: „эн ни тэ ышты. мый тэ, инэ! эн я ни бѣбѣмы? не тальччины не шысѣ висэтавыны он куж, а саричаѣн эшѣ мѣдан овны, да тэ эд быдѣс отир сѣ асват сарсвоат смѣкѣ пыртан. Эдденжык ѣшѣ вѣга-сис старука,—ляскис асвас старикѣвѣ пелэбокѣ:

Воротился старик ко старухѣ; что жѣ онѣ видить? Высокій тѣремѣ. Накрыльцѣ сидить его старуха въ дорогой собольей душегрѣйкѣ, парчевая на маковкѣ кѣчка, жемчуги окружили шею, на рукахъ золотые пѣрстни, на ногахъ красные сапѣжки. Передѣ нею усѣрдные слуги; она бѣетѣ ихѣ, за чупрунѣ таскаетѣ. Говорить старикѣ своей старухѣ: „Здравствуй, бѣрыня-сударыня, дворянка! Чай тепѣрь твоя душенька довольна“? на него прикрикнула старуха, на конюшню послала. Вотѣ недѣля, другая проходитѣ; ещѣ пуше старуха вздурѣлась; опять кѣ рыбкѣ старика посылаетѣ. „Воротись, поклонися рыбкѣ: не хочу быть столбовѣю дворянкой, а хочу быть вѣльною царицей“! Испугался старикѣ, взмолился: „что ты, баба, бѣленѣ обѣлася? ни ступѣть, ни мѣлвить не умѣешь: насмѣшишь ты цѣлое царство“. Осердѣлася пуше старуха, по щекѣ ударила мужа. „Какѣ ты смѣешь, мужиеѣ, спорить со мною, со мною, дворян-

„кыѣ тэ высэтан, мыжык. споритны мекэт, мекэт дворянкакэт! мун добром он-кё мун сивой тэно кыскасё морёдыно.“

Нем керны, мунне старик морёдыно. Пондис сия китсаины зовотой чери. Воктис сыдыно зовотой чери и юавис: „Мый жэ тэныт, старичоквё ковё?“ Байтё сывё старик: „Жалейт ни тэ мено' старикёс, матушка чери! Бёра старой карга бунтуйтё: озни сия мод сысея дворянкаон овны. саричао ни мадэ пэртчины“, Байтё сывё зовотой чери: „Энтёжды, мун гортё. Ен тэ кёт. старичок. ас ни уж воас сия саричаон!“

Бертём старик старука дыно, Мый жё аѣѣ? Сувавоны сыоѣин сарекой коромаэз. а ныныпкын аѣѣ аэене старукаёс: пызансин пукаво сия саричаон, свужытоны сывё чисто дсорэянаэз да бояраэз, кысвоны сывё заморской винаэз, закусывайтё сия чёскыт печатной преничокон, сыгёгор вог сторожжэз сувавоны, целэпоннозвын чероккез виѣэны, Кыз токон аѣѣвие отие старик. усис иньво коккео и висэ-

кой столбовою? ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью; не пойдешь, поведуть поневолю“.

Старичокъ отправился къ морю: почернѣла синее море. Сталь онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: „Чего тебѣ надобно, старче?“ Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ: „смилуйся, государыня рыбка! опять моя старуха бунтуетъ: ужъ не хочетъ быть она дворянкой, хочетъ быть вольною царицей“. Отвѣчаетъ золотая рыбка: „не пачалься, ступай себѣ съ Богомъ! добро! будеь старуха царицей!“

Старичокъ къ старухѣ воротился. Что жъ? Прельнимъ царскія палаты. въ палатахъ видятъ свою старуху, за столомъ сидитъ она царицей, служатъ ей бояре да дворяне, наливаютъ ей заморскія вина, завдаётъ она пряникомъ печатнымъ: вокругъ стоитъ ея грозная стража, на плечахъ топорики держать. Какъ увидѣлъ старикъ, испугался; въ ноги онъ старухѣ поклонился, молвилъ: „Здравствуй, гроз-

тавис: „Здорово грозной сарича! Эни совсем ни поди бурамис тенат сивёмыт“... Езна и вижет сывннй шоктис, медбы ез торчит сывон син озин. Котортыштомасэ дворэянаез да бояраез, стыриквө пөттэз сэбвиэирэе сетависэ, а ыббедынае сторожжес чуть, чуть беднойка старикосэ зона черрезон керавө. А оторын отир пөттөз серавис сыввын. „сиз теныт и ковө старой дураквө, озванэ вежоражык воан; ен пукси йэз додь!“

Вот неделэ, модик чувавө: ешө одденжык пондомыстыны старука. вакейезос жониксаин Азэемасэ старикосэ, ваетисө сыдынө, и шувө сывө старука: „Мун, бертчи, кеимисэ черивө: ог ме модовны саричаон, мода меовны морёын, козяйсвунтны сетчинэ, медбы меимсвужытис зовотой чери, кыче ыста, котэртис бы“.

Старик ез ни высэ нем шувны. Мунис сияморёдынэ. Азэе-морёвын буря, сиз морё и гудыртче, сиз ваввез и ветвөны,

ная царица! ну, теперь твоя душенька довольна?“ На него старуха не взглянула, лишь съ очей прогнать его велёла. Подбъжали бояре и дворяне, старика взашеи затолквали А въ дверяхъ-то стража подбъжала, топорами чуть не изрубйла. А народъ-то надъ нимъ посмѣялся: „По-дѣломъ тебѣ, старый невѣжда! впредь „тебѣ, невѣжда, наука; не садися не въ свои сани!“

Вотъ недѣля, другая проходитъ, ещё пуще старуха вздурилась: царедворцевъ за мужемъ посылаетъ. Отыскали старика, привели къ ней. Говоритъ старику старуха: „Воротись, поклонися рыбѣ: Не хочу быть вольною царицей, хочу быть владычицей морскою, чтобы жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ, чтобы служила мнѣ рыба золотая и была бъ у меня на посылкахъ“.

Старикъ не осмѣлился перечесть, не дерзнулъ перекекъ слова молвить. Вотъ идётъ онъ къ синему морю; видитъ: на морѣ чёр-

горзёмон горзёны. Пондис
 сѣя китсавны зовотой чери
 Воктис сыдыно зовотой че-
 ри и юавис: „Мый жё ышш
 теныт, старик, ковё?“ —
 „А мый ни уж меим кер-
 ны, ог тёд, ёрдём инэка-
 кёт, оз ни сѣя мёд овны
 саричаён, мёдө сѣя бва-
 дейтны морёён, мёдө мо-
 рёын овны, мэдэ медбы те
 присвужничайтёмыт сыво
 ычыче ыстас котёртин бы
 жалейт ни те менё!“

Нем ез шу чери, токөв
 бёжён ваёт ковнитис и
 мунис пыдөсө. Дыр сува-
 вис старик берегдорын,
 виччисис, оз я мый-кө вись-
 тав чери, да сизъ ези вер-
 мы витчисьны. Бертис
 сѣя гортө—вижөтө: сыоэин
 муовой керкуокын ыбөс
 порогвын пукавө сывөн
 старука, а сыоэин важся
 потём өр.

ная буря—так и взду-
 лись сердитыя волны,
 такъ и ходятъ, такъ воёмъ
 и воютъ. Сталь онъ кли-
 кать золотую рыбку. При-
 плыла къ нему рыбка,
 спросила: „Чего тебѣ на-
 добно, старче?“ ей старикъ
 съ поклономъ отвѣчаетъ;
 „Смилуйся. государыня
 рыбка! что мнѣ дѣлать съ
 проклятою бабой! ужъ не
 хочеть быть она царицей.
 хочеть быть владычицей
 морскою, чтобы жить ей
 въ оліянѣ-морѣ, чтобы ты
 сама ей служила и была
 бы у ней на посылкахъ“.

Ничего не сказала рыб-
 ка, лишь хвостомъ по во-
 дѣ плеснула и ушла въ
 глубокое море. Долго у
 моря ждалъ онъ отвѣта. Не
 дождался, къ старухѣ во-
 ротился. Глядь: опять
 передъ нимъ землянка, на
 порогѣ сидитъ его стару-
 ха, а предъ ней разбитое
 корыто

Пон (Конецъ).

Объясненіе къ сказкѣ.

Будите мысль, будите жизнь.
На трудъ разумный направляйте.
Будите мысль, будите жизнь,
И лучшій вѣкъ подготовляйте.

Кто-нибудь можетъ подумать зачѣмъ А. С. Пушкинъ, величайшій русскій поэтъ, тѣшить людей такими небылицами, какъ эта сказка? Чтобы ребята позабавить? Чтобы надъ жадной старухой посмѣяться?

Нѣтъ, въ этой славной сказкѣ есть много поучительнаго, надъ чѣмъ стоитъ призадуматься. Здѣсь все имѣетъ особый смыслъ и особое значеніе.

Синее море — это наша жизнь, наше „море житейское“, какъ говорится. Каждый ищетъ въ жизни чего нибудь хорошаго для себя, и, какъ рыбакъ ловитъ въ морѣ рыбу, такъ и всякій человѣкъ требуетъ отъ жизни кто богатства, кто только хлѣба насущнаго, кто счастья, кто знанія, кто простого спокойствія. Не всякому удастся сразу своего добиться, какъ рыбакъ не всякій разъ можетъ похвастаться хорошимъ уловомъ рыбы. Иной разъ, вмѣсто рыбы, придетъ неводъ полный травой, — вмѣсто богатства и довольства придутъ горе да заботы. Въ синемъ морѣ скрыто многое, чего люди еще не узнали, — въ нашей жизни также много непонятнаго, чего не удалось еще разгадать.

Старикъ, — обыкновенный трудящійся человѣкъ, какихъ много на свѣтѣ. Онъ живетъ тихо, спокойно, довольствуясь тѣмъ, что умѣетъ заработать своимъ трудомъ. Что онъ поймаетъ неводомъ, — то его, что онъ добудетъ трудомъ — тѣмъ и живетъ. На какую-нибудь неожиданную удачу онъ не рассчитываетъ и не хочетъ пользоваться тѣмъ, что не онъ добылъ, а какъ говорится, на него „съ неба свалилось“. Вотъ

почему рыбакъ отпустилъ золотую рыбку, не потребовавъ себѣ награды.

Но не такова *старуха*, подь которой въ сказкѣ нужно разумѣть людей недовольныхъ жизнью и не желающихъ свое счастье добывать трудомъ, людей честолюбивыхъ, не благодарныхъ, жадныхъ и несправедливыхъ. Такіе люди, наоборотъ, ищуть, гдѣ бы имъ извлечь выгоду изъ чужой работы, ищуть случая, за который можно бы уцѣпиться. чтобы достигнуть богатствъ и зватности. И на первый взглядъ кажется, что счастье имъ помогаетъ охотнѣе, чѣмъ честнымъ труженикамъ. Чего бы они не пожелали—дѣлается, какъ будто по волѣ золотой рыбки.

Однако—не долго помогаетъ случай и судьба такимъ людямъ. Если бы они хлопотали не о самихъ себѣ только, а и о своихъ ближнихъ, если бы они дѣлились съ бѣднымъ человѣкомъ тѣмъ, что имъ такъ легко дается, а не гнали его въ шею, какъ старуха, то удача не оставляла бы ихъ. Но такъ какъ эти люди, позабывъ о томъ, кому и чему они обязаны своимъ благополучіемъ, чьимъ трудомъ добыли онѣ себѣ богатство и славу,—начинають еще больше угнетать своихъ благодѣтелей и даже требовать отъ нихъ и отъ своей слишкомъ счастливой судьбы чрезмѣрнаго,—то судьба, наконецъ, отвертывается отъ нихъ, оставляя ихъ гибнуть. Они не умѣють быть умѣренными, не знаютъ работы и, забравшись слишкомъ высоко, благодаря счастливой случайности, останется тѣмъ же чѣмъ были или—падаютъ еще ниже. Все благополучіе исчезаетъ, а останется одно разбитое корыто.

Золотая рыбка, говорящая по человѣчески, это — чудо, необыкновенный случай, неожиданное счастье, очень часто не заслуженное человѣкомъ.

Въ сказкѣ рассказывается, какъ темная неграмотная старуха, воспользовавшись обѣщанными услугами пойманной золотой рыбки, обращается къ ней, не имѣя на то права и старается безъ труда и требуетъ отъ нея то, что, по ея понятію, можетъ составить счастье въ жизни. Сначала просить она не большей домашней поправки („корыто“), далѣе — новаго имущества („избу“), далѣе — почестей („царства“) и, наконецъ, по совершенной своей темнотѣ, просить даже невозможнаго и неестественнаго („жить въ океанѣ морѣ“). Добрая золотая рыбка изъ сожалѣнія долго не отказываетъ въ ея просьбѣ, — но темную, необразованную

таруху начто не измѣняетъ: ни деньги, ни почести, ни власть. Все, что она получаетъ, сама первая то и разбиваетъ, какъ разбила ранѣе единственное свое корыто. И, такимъ образомъ, остается тѣмъ же несчастнымъ человѣкомъ какимъ была и прежде. Поэтому то и сказка Пушкина оканчивается такъ, что старуха доживаетъ свой вѣкъ при разбитомъ корытѣ.

Школа своего рода тоже золотая рыбка. Нѣкоторые люди боятся школы и всей школьной премудрости, но ходятъ въ школу, потому что получаютъ чрезъ нея деньги, честь и власть. Другіе же люди ходятъ въ школу затѣмъ, чтобы приобрести здѣсь различныя познанія и умѣнья, которые одинаково нужны и въ бѣдности и богатствѣ, они ищутъ здѣсь того, что нельзя видѣть глазами, нельзя взять руками, что ни легко, ни тяжело; что нельзя ни потерять, ни разбить; они ищутъ того богатства, которое сколько угодно можно раздавать людямъ, но оно оттого ничуть не убываетъ. Такіе то люди и есть самыя милые люди для золотой рыбки, отъ которыхъ она не убѣжить въ синее море да и она сама не вдругъ отпустить ее туда.

Вотъ что хотѣлъ сказать своей сказкой А. С. Пушкинъ. Но не значить ли это, что вообще не слѣдуетъ добиваться счастливой и довольной жизни? Нѣтъ, каждый имѣетъ право стремиться къ благополучію. Но нужно помнить, что нельзя рассчитывать на случай и на чью-либо помощь. Только то, что ты самъ добылъ трудомъ—дѣйствительно твое и при тебѣ останется; все же, что досталось тебѣ случайно, незаслуженно, несправедливо,—такъ же случайно можетъ быть у тебя отнято.

Нужно добиваться въ жизни разумнаго трудомъ и настойчивостью воли.

Богатство не сдѣлаетъ тебя умнымъ, и знатность не сдѣлаетъ благороднымъ. Работай, учись,—и ты самъ создашь себѣ счастье и добудешь почетъ и общее уваженіе. Будь справедливъ, поступай честно и пусть это будетъ твоею славой и знатностью. Роскошная одежда и большія мѣшки денегъ съ золотомъ дѣлаютъ необразованнаго и темнаго человѣка еще болѣе смѣшнымъ, и своими хоромами и блестящими пирами онъ никого не обманетъ. Того, что даетъ школа,—на деньги не купишь, какъ не купишь на деньги честь и доброе имя.

Вспомните М. В. Ломоносова и послѣдуйте его примѣру. Вѣдь никакая золотая рыбка ему не помогала, а самъ онъ

добился всего, и изъ простого крестьянскаго мальчуга сдѣлался великимъ ученымъ и вліятельнымъ человѣкомъ. Какъ онъ достигъ всего этого? Онъ достигъ всего черезъ ученье, черезъ школу. Научившись читать, онъ узналъ изъ книгъ то, чего неграмотный узнать не можетъ. На этомъ Ломоносовъ не остановился, а продолжалъ учиться и учиться, исполняя пословицу: „вѣкъ живи, вѣкъ учись“. И вотъ крестьянскій мальчикъ сдѣлался образованнымъ человѣкомъ, сталъ самъ писать книги и учить другихъ и прослылъ знаменитымъ ученымъ. Значить это возможно и каждому доступно, въ комъ есть желаніе работать и учиться и кто любитъ школу. Теперь подумайте, могъ ли бы Ломоносовъ или кто другой добиться того же безъ помощи школы? Нѣтъ, никогда! Безъ школы, безъ помощи школы, безъ ученья, онъ останется съ другими доживать свой вѣкъ неучемъ, темнымъ, человѣкомъ немощнымъ несчастнымъ о по своей неучености не можетъ прійти на помощь своимъ ближнимъ.

Любите же дѣти школу и не бросайте ея. Безъ нея вамъ не понять, какъ чудно устроенъ міръ и какъ много есть въ немъ еще неизвѣстнаго вамъ, но уже извѣстнаго людямъ просвѣщеннымъ и образованнымъ.

А вы, родители, не препятствуйте дѣтямъ ходить въ школу учиться. Пусть они растутъ умными и хорошими людьми. Вырастутъ и вамъ же на старости лѣтъ будутъ помогать и дѣломъ и хорошимъ совѣтомъ и сумѣютъ помочь получить образованіе не только своимъ сестрамъ и братьямъ, а и сосѣдямъ и постороннимъ людямъ, и вы будете гордиться такими дѣтьми и сами скажете: „ученье свѣтъ, а не ученье—тьма“.

Священникъ Іаковъ Шестановъ.
